

**В вихре
времени**

ГЛАВА 1

Стрела сквозь ставень

Не то чтобы он не хотел в это верить. Как раз наоборот — воображение очень часто рисовало дивные картины возвращения опоясанного славой воина домой. Мошна его при этом грузно позвякивала золотишком, вороной скакун славно выстукивал тяжелыми копытами по киевской мостовой, а губы при мыслях обо всем этом сами собой начинали растягиваться в довольной улыбке. Что особенно по-дурацки выглядело, когда он спал. На что Хват, раздери его ящер, не раз обращал внимание. Внимание, как правило, всеобщее.

— Да чтоб воши единственными бабами в моей постели до самой старости были! — Выпученные глаза в понимании Хвата означали наивысшую степень честности. Хотя Тверд не припоминал ни одного такого случая, который мог бы точно указать, что этот верглявый угорь и вправду знает, что такое честность.

— Чтобы обзавестись вшами в постели, сначала неплохо было бы обзавестись этой самой постелью. — По лицу Тумана вообще сложно было определить хоть что-то. Даже то, к тебе он сейчас обращается, к Хвату, или вовсе к веренице резных коньков на нарядной крыше купеческого терема, мимо которого они сейчас проезжали. Разве что прищур уставших от постоянного бдения над книгами глаз мог выдать, интересна ему беседа или не очень.

— Тебе-то она на кой? — фыркнул в вислые усы Хват. — Почитать и в нужнике можно. А там в перине надобность не шибко великая. Там как раз от твоих грамоток проку больше. Ну, ежели, конечно, хорошенько память...

Спрятанные под низким карнизом бровей глаза Тумана сузились. Взгляд при этом продолжал мирно блуждать по оконным наличникам.

— Ну, да. То, с чем ты свою голову пугаешь, всем известно.

— Добро хоть, бабий круп от лошадиного смогу..

— Цыть! — рывкнул Тверд, заметив, что на них уже начинает коситься купеческая дворня.

— Ну так я, кентарх, о том и толкую! — вспомнив, с чего начался разговор, снова надул глаза прущей изнутри честностью Хват. — На торжище давеча с вдовой одной разговорились, а утром смотрю: мать честная, хоромы-то знакомые! Она ключницей оказалась — угадай, у кого?

Тверд гадать не стал. Вместо того, дернув за узду, заставил своего поджарого гнедого уступить дорогу прущему навстречу возу. Своевольный степняк в ответ недовольно тряхнул гривой и припечатал передним копытом разошедшуюся доску мостовой. Мерно бредущие волны внимания на благородный конский гнев обратили не больше, чем на не столь горделивых мух, кружащих над их боками. Улицы здесь были, что ни говори, не родня царьградским.

— У боярина Полоза, кишки его на коромысло! — не дождавшись ответа, вскрикнул Хват, тряхнув своим выгоревшим на жарком южном солнце длинным светлым чубом. Вскрикнул, надо признаться, излишне громко. Со двора, мимо которого они сейчас проезжали, в ответ тут же понесся многоголосый собачий брех, отчего

мышастый конек Тумана прынул в сторону. — У бездетного, замечу, до сей поры боярина Полоза!

Вообще-то, видит Род, ничего похожего на камень за пазухой Тверд против этого человека не держал. Но все равно ничего не мог с собой поделывать: едва о Полозе заходила речь, зубы стискивались будто сами собой.

— Что с того, — буркнул в бороду Тверд, как только они миновали захлебывающееся лаем подворье.

— Да то, раздери меня соха! То самое! Ты вспомни, кентарх, как сам мне говорил, что ни ты без нее не сможешь, ни она — без тебя.

— Эк ты вспомнил, — хмыкнул Тверд. Он уже не раз пожалел, что когда-то рассказал обо всем Хвату. Хмыкнуть хотелось как можно более безучастно. Не получилось.

— Тык не я, выходит, а она! И вся эта ваша чушь про неразрывную связь и прочую хрень, поди ж ты, осталась в силе!

— Какая сила? — устало выдохнул Тверд. — Двое несмышленишей Ладе требы клали. С кем такого не было?..

— Да знаю одного, — оскалился Хват, насмешливо покосившись в сторону Тумана. Тот, благо, старательно объезжал изрядное по размерам напоминание о том, что здесь только что прошли здоровенные волы, и потому косые взгляды не заметил.

— ...А теперь не может понести баба, — продолжал Тверд. — Такого тоже вдоль и поперек.

— Ну да, ну да. Травки там всякие, отвары-приговоры. Уж баба-то, коль не схочет в пузо бремя нагрузить, хитра-выдра на всякие придумки. Говорю ж, кентарх, тебя она все эти годы ждала. Тебя! И имя у нее, поди ж ты, какое для такого дела подходящее. Ждана.

Ждана. Невесомая, как ласковое прикосновение робкого весеннего лучика светлая прядь, выбившаяся из-под шитой бисером тесемки на лбу. Смеющиеся зеленые глаза, в которых хитрый прищур удивительно сочетался с нежностью, словно нарочно прятали взгляд за разлетевшимися по ветру волосами. Тверд не мог объяснить, почему, но всякий раз при упоминании ее имени перед взором его тут же возникал этот образ. Может, потому, что именно в тот день они открыли свои чувства перед Ладой. А возможно, и по той причине, что больше никогда уже не виделись.

Боярин Полоз заслал сватов. Такому человеку не отказывают. Князь дал добро. А одного прыткого да излишне ретивого гридня без роду и племени, едва не заступившего дорогу счастью молодоженов, спешно выдворили из стольного града. Подальше. Чтоб уж не вернулся. В Царьград.

Сколько лет минуло, Тверд и считать-то уж перестал. Но всякий раз, как рисовал геройское свое возвращение домой, всегда хотел, чтобы первой увидела его она.

Дурь и мальчишество. Ничего более.

Потому верить тем росказням, что баял сейчас хитромордый прощельга, попросту не мог.

Но верить хотел.

* * *

Добрые, обитые широкими железными полосами ворота постоянного двора были, как всегда, нараспашку. Когда они въехали сюда в первый раз, в день своего возвращения из Царьграда, Тверду это показалось хорошим знаком. Теперь все виделось частью будничной суеты. Как и нагромождение телег посреди широкого двора, и толкотня у коновязи, и споры за лучшее место

для товара в амбарах и для его владельцев — в жилых постройках.

Вообще-то Тверд хотел выбрать жилище потише. К тому же цены здесь ломили чуть ли не как в лучших византийских борделях, предлагая при этом горох вместо изумрудов. Но они искали работенку для своих мечей, а самые богатые заезжие купцы в Киев-граде останавливались как раз в этом месте.

— Это как же, господа хорошие, понимать? — Едва они въехали в ворота, к ним метнулась кривоногая фигура. Солидного кроя кафтан, богатые сапоги, щегольские полосатые штаны — словно всю нескладность тела этот человек пытался уравновесить бросающейся в глаза роскошью одежд. В чем все приказчики, как правило, были одинаковы.

— Мы же, сдается, ударили по рукам, — прошипел он уже тише, как только приблизился вплотную к троице всадников. — Вы съехали. Ваши места уже заняты. Все, можете разворачивать оглобли.

С деловитым видом он развернулся и посеменял в сторону кузни, возле которой толклись уже готовые вцепиться друг другу в бороды люди только что прибывших купцов. Каждый из них, знамо дело, полагал, что обновить подпругу и заменить подковы имеет первоочередное право.

— Хват? Я-то думал, уплаченного нами еще на три дня хватит.

— Не бойсь, сейчас разберемся.

Белоусый воин лихо спрыгнул на землю, небрежно бросив повод Туману, и поспешил вслед за приказчиком.

— Мил человек, не след спешить, когда есть возможность переброситься парой слов с добрыми людьми!

— Ты-то в таком разе причем? — проворчал неприветливый коротышка, но Тверд уже точно знал — вы-

жига с ним обязательно договорится. Этому плуту либо вовсе нельзя давать раскрывать рта, либо, коль уж такое случилось, смириться с тем, что все выйдет так, как он захочет.

Правда, нынче утром его помело не сумело оставить за ними уже, казалось бы, приплывшую в руки работу. Смоленский купец, набиравший добрую охрану для снаряженного в Саркел каравана, с превеликим удовольствием принял ветеранов этерии базилевса еще вчера, бил им по рукам, хлопал по плечам и наливал, не жалея кун и рассуждая, насколько крепко они зададут степным налетчикам, буде те наберутся глупости напасть на столь справное воинство. Но сегодня поутру вдруг решил забрать свое слово назад. И дал им разворот чуть ли не на сходнях ладьи. Чтобы купец не выполнил договор, скрепленный битьем по рукам? На памяти Тверда такое случилось в первый раз. Как, собственно, и первый раз, когда он увидел растерянного и потерявшего дар речи Хвата. Это уж потом он орал на всю пристань. Хотя в неистовстве смысла не было никакого. Понятно же, что некий растреклятый доброхот нашептал смолянину, с какими людьми он имел неосторожность преломить хлеб и чем эта дружба может ему в Киеве грозить. Непонятно было лишь одно — какого пса они приперлись в стольный град. Знали ведь, что за встреча их, скорее всего, будет здесь ждать.

Надеялись на авось?

Или вправду зеленые глаза имели над ним такую власть, что притянули сюда с другого конца света?

Тряхнув головой, словно так легче было отбросить эту навязчивую мысль, Тверд спрыгнул на землю и кивнул Туману в сторону яростно перешептывающихся Хвата и приказчика.

— Как закончат, коней пристрой. Я внутри обожду.

В харчевне по вечерам люду набивалось — не протолкнешся. Днем же купчины со всей своей сворой смердов, закупов да гридней разбегались по торжищам и пристаням. Так что сейчас лишь в противоположном углу горницы, темном от того, что свет из окон туда если и добирался, то как-то неуверенно и без особой охоты, угрюмо стучали деревянными ложками крепкие мужички в кожаных фартуках доспехов. Встреть их Тверд на большой дороге, ни за что бы не удивился. Но то ли лихой промысел совсем захирел, то ли их наниматель вовсе не разбирался в людях.

Есть не хотелось. Пить — тоже. Поэтому, когда к нему подошел сухопарый парнишка со смешным черным пушком на подбородке, Тверд было махнул рукой, отсылая его восвояси, но по бегающим глазам мальчика догадался, что тот не только снеди хочет предложить.

— Человек приходил, вас спрашивал, — нервно переминаясь с ноги на ногу, заявил мальчишка.

— Сказал, кто таков?

— Нет... То есть да, — поваренок выглядел не то удивленным, не то напуганным. — Он сказал... Говорил, голова киевской гильдии хочет вас видеть. Купеческой гильдии.

Тверд отметил, что ложки в темном закутке перестали стучать о деревянные миски. Честно говоря, он очень сильно надеялся, что его собственная челюсть при этом не опустилась до самой столешницы. Теперь понятно, почему у паренька в глазах плещется не то растерянность, не то какой-то даже суеверный страх.

Хотелось бы только понять — когда это Хват успел подговорить мальчика, чтобы тот сказанул такое при свидетелях. Они ж с утра, когда выезжали отсюда, вроде бы не собирались обратно возвращаться. Тверду оста-

лось лишь сделать хмуро-безразличное лицо, кивнуть одобрительно отроку, да кинуть ему медяк за труды.

Надо же, сама купеческая гильдия заинтересовалась их мечами. Ну, Хват! Ну, плут. После этакой новости желающих заполучить воев, пользующихся *таким* спросом, знамо дело, должно было изрядно поприбавиться. Лишь бы поваренок раньше времени не проболтался кому... Может, следовало ему не медяк дать, а серебряный обрезок? А то хрен его знает, каков там у них с Хватом был уговор.

Выбранная им светлица была вполне пригодна. Тех денег, что пришлось за нее отвалить, она, конечно, не стоила. Но две могучие кровати, толстенные медвежьи меха, приколоченные к стенам, масляные светильники, исправно заправлявшиеся каждый вечер, делали пребывание здесь в целом сносным.

Тверд снял перевязь с оружием, прислонил его к широкой лавке, на которой по очереди спали оба его воя, на ночь подпирая ею — мало ли что — входную дверь. Расстегнуть все ремни и крепления на доспехе было делом мудреным, но свою броню он подогнал под себя так, чтобы всегда мог сделать это самостоятельно. Ламеллярный панцирь свалил на кровать, туда же отправилась с кряхтением и звонким позвякиванием снятая кольчуга. Сверху побросал кафтан и льняную рубаху. Не собирайся они сегодня отбыть отсюда насовсем, конечно, не стал бы напяливать на себя все это добро. Чай, не капуста. И после целого утра, проведенного в таскании воинского богатства на собственном горбу, тело изрядно взмокло и шибало в нос мощным духом. Благо у окна стояла толстопузая кадка с водой, и опрастать ее по их отъезду еще не успели. С радостью поплескавшись в холодной воде, Тверд отчего-то решил не вытирать-

ся рушником, а дать телу удовольствие обсохнуть на свежем поветрии.

И распахнул ставни.

Тихий шелест и короткий хищный свист он не перепутал бы ни с чем другим.

Ни щита, ни брони. Да и обратно захлопнуть ставень уже не успеть. Пока голова прикидывала все эти варианты, наученное многолетним и, по большей части, невеселым опытом тело среагировало само собой, бросившись в сторону. Руку словно обдало сквозняком, за спиной глухо тренькнуло. Глянув назад ошалевшими глазами, Тверд увидел будто расцветший прямо на входной двери уродливый цветок арбалетного болта.

Он знал, что выбор у него теперь невелик: либо удивляться, либо догонять. Коротко чертыхнувшись, он схватил стоящую под окном лохань и, щитом выставив ее перед собой, выпрыгнул из окна.

Но второго выстрела не последовало.

Свалившись со второго поверха, он перекатился через голову, разодрав плечи малиной и раздолбав в щепки кадку. В два прыжка очутился перед опоясывающим палисадник забором, в три — перемахнул через него, стараясь не упускать из виду многоуровневую крышу богатого терема по другую сторону улицы. Там смазанным пятном мелькнула какая-то тень.

С забора он прыгал не глядя, и потому приземлился чуть ли не на голову проезжавшему мимо всаднику в богато расшитом кафтане. Лошадь то ли от испуга, то ли от внезапно удвоившегося веса присела на задние ноги и пронзительно заржала. Наездник, еле удержавшись в седле, разразился градом проклятий и взмахнул плетью, метясь по метнувшейся от него через улицу голой спине. Кожаный хлыст рассек воздух над плечом, не задев. Тверд на это внимания уже

не обращал. Перемахнув через груженную мешками телегу, очутился перед другой оградой. Какой-то добрый плотник верхний ее венец изукрасил искусной резьбой. Именно за эту вычурную красоту он и зацепился, чтобы перепрыгнуть через забор. Купеческое подворье встретило, как вражеский флот под сотнями парусов — аршинами развешенного и лениво раздувающегося на легком ветерке белья. Обзор все эти полотнища закрыли напрочь, но Тверд продолжал ломиться вперед, повинувшись исключительно чутью и не обращая ни малейшего внимания на остающиеся за спиной окрики, пусть даже они могли означать начало другой погони — уже за ним самим. Вырвавшись на свободное место, озирался он не больше мгновения. Прыгнув прямо на здорового рябого детину, выскочившего навстречу из какой-то клетки, голый по пояс, в мокрых штанах и, должно быть, как капля воды похожий на самого распоследнего татя, он впечатал тело смерда в стену и, мощно оттолкнувшись от него ногами, зацепился за резной козырек высокого крыльца. Пока рябой пытался понять, что происходит, и ухватиться за штаны свалившегося на него лиходея, Тверд рванул наверх, напоследок лягнув детину по башке каблуком.

Привлеченная шумом во дворе, в окно выглянула какая-то толстощекая баба. Понять по ее лицу, удивлена она, испугана или, наоборот, обрадована возникновению пред светлыми очами полуголового, мускулистого в шрамах тела мужика, было сложно. Вот будь на его месте Хват, тот, скорее всего, остановился бы полузгать семечки да познакомиться. Тверд же оттолкнулся от подоконника, сиганул на следующий поверх, откуда уже и до ската крыши было в прямом смысле рукой подать.

И лишь выбравшись на самую маковку терема, осмотрелся внимательнее. Задний двор выходил на пустырь,

заканчивающийся логом, поросшим по краям высокой травой да чахлыми деревцами. У одной из тонких березок мирно паслась оседланная лошадь. А внизу, у самой ограды, на него смотрел человек с низко нахлобученной на глаза шапкой степняка, в кожаном доспехе и с самострелом в руках. Направлен самострел был, понятно дело, в его, Тверда, сторону.

Дождаться выстрела воин гвардии базилевса не стал, без раздумий сиганув вниз. Волосы на макушке коротко рванул хищно свистнувший ветерок. Болт тренькнул где-то за спиной. Стрелок, закинув арбалет за плечо, прыснул к калитке, на бегу врезался в нее плечом, с грохотом растворив настежь, — и исчез с глаз. Съехавший на заднице к самому скату крыши Тверд исхитрился изогнуться не хуже выброшенного в окно кота, аж до хруста где-то в спине, цапнулся обеими руками за резные обереги, окаймлявшие маковку терема, и повис на них. Тать с выстрелом явно поспешил — сейчас его жертва являла собой куда более удобную мишень. Поболтав в воздухе ногами и коротко оглядевшись вокруг, Тверд вдохнул, выдохнул и, мощно оттолкнувшись, бросился вниз. Чуть ли не под его ногами, явно собираясь в ближайшем будущем посоревноваться с домом в высоте, росло дерево. С хрустом, треском и хряском пролетел он через густую крону, кубарем вывалившись из нее и, не обращая внимания на зудящие ссадины, взвился на ноги. Правое колено прострелило болью, но Тверда редко останавливали и куда более лихие увечья. Как и куда более серьезные супостаты, нежели тот, который вывалился из дворовой пристройки справа. Холоп коршуном метнулся к колуну, торчащему из чурбана, одним махом высвободил его и бросился на упавшего с неба голопузого разбойника. Не желая напрасно тратить время на этого решительного бойца,